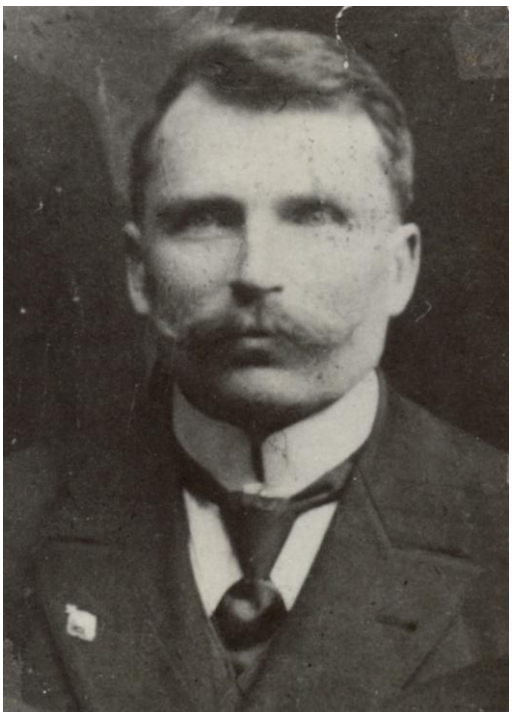
Хельви Инно

Учитель и краевед В. И. Крылов (1874–1928)



Виктор Иванович родился в 1874 г. в Костромской губернии в семье священника. Прошел все ступени духовного образования – духовное училище, духовная семинария, духовная академия в Казани. В 1900 г. в 26 лет назначен преподавателем истории и географии в Олонецкую духовную семинарию. Выбор места службы определили «северные льготы».

Будучи по складу характера общительным, Виктор Иванович установил хорошие отношения с коллегами. Молодого человека приглашали участвовать в домашних спектаклях, концертах. На одном из вечеров он познакомился с Софьей Любецкой, которая позже стала его женой. В семье двое детей – Виктория и Виктор. Родственники Софьи Дмитриевны известные в городе люди. Отец – Любецкий Дмитрий Иванович (1846–1915) возглавлял духовное училище в Петрозаводске, позже был преподавателем губернской земской управы, автор очерка об истории Олонецкой духовной семинарии.

Среди друзей Д. И. Любецкого значился Левитский Сергей Анатольевич (08.08.1869–20.11.1915) – уроженец Вологодской губернии, выпускник Московской духовной академии, преподаватель Олонецкой духовной семинарии; составитель всеподданнейших отчетов Олонецкого губернатора, редактор неофициальной части газеты «Олонецкие губернские ведомости». Организатор и первый редактор журнала «Вестник Олонецкого губернского земства». Одна из дочерей Любецкого стала его женой.

Среди друзей семьи Любецких значился Чуков Николай Кириллович (митрополит Григорий) (01.02.1870–05.11.1955) – уроженец Петрозаводска, выпускник Олонецкой духовной семинарии, закончил Санкт-Петербургскую духовную академию. Наблюдатель церковно-приходских школ, последние семь лет (1911–1918 гг.) – ректор Олонецкой духовной семинарии. Дальнейшая судьба его трагична, сложна и проходила вне Олонецкой губернии. Его женой была также одна из дочерей Любецкого Д. И.

1905–1906 гг. значительны в жизни России – первая русская революция. Они значительны и в жизни Виктора Ивановича Крылова. С духовной службы он перешел на светскую – в Петрозаводскую мужскую учительскую семинарию.

Учительская семинария открыта в Петрозаводске в 1903 г., собственного здания первоначально не имела, размещалась в частном, наемном приспособленном помещении. Это был дом Пименовой на Святнаволоцкой улице (ныне – пр. Ленина), здание сохранилось, этот двухэтажный дом занимает теперь Министерство здравоохранения (напротив гостиницы «Северная»).

Учебный каменный корпус учительской семинарии построен на тогдашней северной окраине по проекту гражданского архитектора

А. Д. Яковлева подрядчиком-крестьянином Ярославской губернии Д. С. Седовым. Занятия в данном здании проводились с 27 октября 1905 года. Домовая церковь сооружена в 1907 г. купцом Тетериным Ф. И., почетным гражданином Вытегры, за 5000 руб. Учительские деревянные корпуса и деревянные здания ученических общежитий сооружались с 1903 года на левом берегу р. Неглинки (ныне – Студенческий переулок) на бывших землях Петрозаводского батальона.*

По первому школьному уставу России 1786 г., должен был иметь квартиру в школьном здании. Как писал потомок Крылова Светаев Е. А.: «Быт тогдашнего учителя был устроен неплохо. Пятикомнатная казенная квартира, бесплатные дрова, привозная вода, прислуга».

В учительской семинарии сложилась прекрасная традиция. Выпускники ежегодно совершали туристическую поездку в северную столицу, в Санкт-Петербург. В документах Национального архива РК сохранился подробный отчет о поездке выпускников 1912 года. Руководитель группы – В. И. Крылов, среди педагогов, сопровождавших студентов, был и преподаватель пения А. П. Максимов.

Указан подробный список учеников в алфавитной последовательности, в старину в школьном списке фамилии располагались по уровню их знаний.

Познакомимся со списком выпускников 1912 года:

Анисимов Николай Александрович – будущий учитель Ведлозерской школы, научный сотрудник, автор первого карельского букваря,

Брянцев Христофор Николаевич,

Бармин Василий Михайлович,

Вишвиков Александр Степанович,

Гель Павел Михайлович,

Гульнев Андрей Петрович,

Дегтярев Александр Андреевич,

Кряхов Василий Флегонтович,

Меньших Василий Михайлович – директор школы, располагавшейся в здании нынешнего института усовершенствования учителей, внук его – кандидат исторических наук,

Никифоров Андрей Васильевич,

Островский Иван Федорович,

Окулев Иван Сергеевич,

Проккоев Михаил Андриянович,

Прибитков Иван Иванович,

Приезжий Дмитрий Иванович,

Пятунин Иван Иванович – учитель в селах Великая губа, Толвуя; будущий министр просвещения,

Рябцев Иван Николаевич – педагог в вепсском крае, директор шелтозерской школы,

Смирнов Николай Васильевич,

Солнышков Николай Александрович,

Титов Тимофей,

Шевяков Николай Федорович,

Шумович Николай Семенович.

Остановились в земской учительской школе Санкт-Петербурга.

В первый же день отправились осматривать достопримечательности столицы.

5 июня – музей императора Александра III, соборы Воскресенский, Казанский, Исаакиевский, памятники императорам Николаю I, Петру I, гостиный двор.

6 июня – музей горного института и шахты, учебно-промышленная выставка; вечером гуляли в саду Народного дома.

7 июня – Ботанический сад, Ботанический музей, Зоологический сад.

Объяснения давал бывший преподаватель Петрозаводской учительской семинарии В. Н. Волошинов.

Вечером слушали «Аиду» в Народном доме в сопровождении преподавателя пения А. П. Максимова.

8 июня – императорский фарфоровый завод, Александро-Невская лавра, Зимний Дворец.

Слушали оперу «Тотгебзера». Вечером гуляли на островах, наблюдали, любовались чудными видами взморья.

9 июня – Петропавловский собор, домик Петра I.

10 июня – экскурсия в Петергоф.

11 июня – выставка городских и начальных училищ.

12 июня в 14 часов покинули Санкт-Петербург.

Программа насыщенная, познавательная. Запомнилась навсегда.

* С 1886 г. здесь стояла каменная часовня, устроенная в память о приезде в наш город великого князя Владимира.

18 апреля 1913 г. произошло значительное событие – открытие «Общества изучения Олонецкой губернии».

Земство сыграло ведущую роль в создании, по предложению Олонецкого вице-губернатора А. Ф. Шидловского, данного общества; оно объединило всех местных краеведов и поставило задачу всестороннего исследования края. «Общество» приступило к выпуску журнала – своих «Известий», выходивших 8 раз в году. В изучении исторического и современного состояния Карелии видную роль сыграли местные краеведы – И. И. Благовещенский, В. И. Крылов, С. А. Левитский, В. П. Мегорский, Д. В. Островский, Н. С. Шайжин и некоторые другие.

В. И. Крылов стал активно сотрудничать, публиковаться на самые различные темы. Был автором некрологов о Любецком Д. И., Левитском С. А., Лескове Н. Ф. и др.

Общество действовало до 1918 года…

1914… Виктор Иванович избран от преподавательского состава учительской семинарии гласным городской думы, участвовал в решении проблем, связанных с обеспечением города продовольствием, он входил в состав попечительства, оказывал помощь семьям мобилизованных. В связи с чем город был разделен на участки. В участок В. И. Крылова входили семьи ратников со следующих улиц: Ригачная, Новая часть Гоголевской, Полевая, Гористая, Бородинская, Дмитровская, Малая Закаменская, Малая Неглинская, Предтеченская, Ивановская.

В состав попечительства входил и священник мужской учительской семинарии Метелев О. Д.

Известие о свершившейся Февральской революции 1917 г. Виктор Иванович встретил с пониманием. В тот период был бурный подъем общественной жизни. Создавалось множество партий, объединений, союзов, которые выдвигали кандидатов для участия в политической жизни города. Крылова В. И. выдвигала фракция «коренных», созданная в противовес «пришлым» элементам, ничем не связанных с городом, многие из которых выдвигались от «блока солдатских и рабочих депутатов».

В новой обстановке заявили о себе сторонники партии народной обороны (кадеты). В мае образовалось Петрозаводское отделение данной партии. В состав бюро организации вошли адвокат И. И. Леви, домовладелец В. Г. Богданов, городской голова Г. Е. Пименов, учитель В. И. Крылов и др. К августу кадетская организация насчитывала до 95 членов и опиралась в основном на местную буржуазию, служащих и духовенство. Их программа легла в основу деятельности местных органов Временного правительства, хотя отношение к кадетам оставалось настороженным, и они не пользовались сколько-нибудь заметным влиянием в уездах.

Новая власть пыталась энергично заниматься перестройкой народного образования. Губернские и уездные комиссариаты просвещения старались привлечь на свою сторону демократически настроенных учителей. Из среды карельского учительства выдвигались такие способные организаторы просвещения, как В. М. Парфенов, И. М. Зыков, А. Н. Куняев, Т. В. Леонтьев, А. В. Пеотьев, Анкузинов и др.

С большими трудностями проводился в жизнь Декрет о свободе совести. Весной 1918 г. только в 60 % школ удалось запретить преподавание духовных предметов. Нередко Декрет о свободе совести вводился административным порядком, сопровождался «чисткой» преподавателей, выступавших в защиту церкви. В числе таких, подвергнутых «чистке», оказались известные преподаватели: В. А. Богданов, В. П. Дмитриев, В. И. Крылов, А. С. Рубинов, Ф. Ф. Чудинов, ректор духовной семинарии А. К. Чуков и др.

После Октябрьского переворота начинается систематическое свертывание политических свобод, закрываются газеты, распускаются партии, происходят гонения православной церкви. В ночь с 9 на 10 апреля 1918 г. арестована группа преподавателей, среди них Чуков А. К., Крылов В. И. … Они арестованы как главари движения против советской власти … Чукова А. К. высылают за пределы губернии, Крылова В. И. отстраняют от преподавательской работы в учительской семинарии.

С потерей работы человек лишался хлебных карточек, а значит, обрекался на голодную смерть. Крылов – личность, уважаемая в городе. Как человеку энергичному, умному, ему предложили возглавить неторговое дело в Петрозаводском союзе кооператоров. Кооперация – одна из немногих сфер экономической

деятельности, которая была еще неогосударствлена. Многие люди, потерявшие работу по политическим мотивам, нашли здесь работу.

Вскоре под редакцией В. И. Крылова стал выходить журнал «Олонецкий кооператор», где, наряду со статьями о кооперативной жизни, печатали статьи общественно-краеведческого направления.

В 1919 г. обстановка в крае обострилась. В конце июня 1919 г. бои с белофиннами велись вблизи города, на Сулажгорских высотах. Интервенты, разбитые вблизи Видлицы, вынуждены были отступить и с Сулажгорских высот.

В. И. Крылов в этот сложный период снова арестован, в тюрьме он проводил бессонные ночи в ожидании решения своей судьбы. Наконец, он освобожден.

В 1920 г. Виктор Иванович становится членом правления и председателем Петрозаводского Союза кооператоров. На съездах кооператоров, проводимых в Петрограде, в составе группы Крылов представляет Олонецкую губернию. Но в душе он исследователь-краевед. В статье «Нужно исправлять ошибку» звучит призыв к возрождению общества краеведов в Олонии, переставшего существовать после 1918 г. Возникшая остроконфликтная ситуация в 1921 г., с появлением на Севере Карелии Ухтинской Республики, дает повод властям вновь арестовать Крылова. Все эти аресты не могли не сказаться на состоянии его здоровья. По инициативе интеллигенции, в июне 1923 г. создается «Общество изучения Карелии». Был принят устав общества, утвержденный Карэкосо. В состав правления общества входили: М. Н. Заводовский, Б. А. Потапов, В. И. Кириллов, А. Н. Лесков, Ф. Е. Поттоев, М. Г. Гершанович. В 1924 г. число членов общества краеведов приближалось к 80, из них двое – знаток края и неутомимый его исследователь А. А. Бернацкий и геолог, уроженец Карелии, профессор В. М. Тимофеев, – были удостоены общим собранием звания почетных членов. На заседаниях общества регулярно заслушивались доклады о природных богатствах, об истории края…

Благодаря финансовой поддержке правительства Карелии, правления Крайсоюза, краеведы начали публикацию научно-популярных брошюр, листовок. В 1924 г. вышли в свет два номера краеведческого журнала «Известия Общества изучения Карелии». Краеведческие кружки возникли в педагогическом и экономическом техникумах Петрозаводска. Краеведы Карелии сотрудничали с научными экспедициями, работавшими в Карелии, участвовали в работе Всероссийских съездов краеведов.

Одним из центров краеведения в Карелии была Центральная областная (публичная) библиотека в Петрозаводске. Подлинным энтузиастом краеведческой работы стал заведующий краеведческим отделом библиотеки К. Ф. Филимонов.

В 1920-е гг. в Центральной областной библиотеке были собраны все дореволюционные местные печатные издания, тем самым создавалась база для научного изучения истории, быта, культуры Карелии.

При содействии краеведов была проведена реорганизация и оживление работы Карельского музея. Активизировать деятельность музея попытался известный краевед В. И. Крылов, возглавлявший его с января 1925 г. При поддержке не созданного в 1924 г. «Общества изучения Карелии» кое-что удалось сделать, посещаемость возросла более чем в три раза. Музей не имел даже собственного помещения, размещался в нескольких комнатах здания КарЦИКа. Весь штат состоял из шести человек. В служебном кабинете пришлось жить и семье директора.

Музей становился ведущим центром исследований истории, культуры, быта народов Карелии. Ставилась задача постепенно преобразовать его в краеведческий. В то время в музее возникли отделы археолого-исторический и общественный. Музей занимал 10 комнат в бывшем губернаторском доме, где размещалось около 9000 экспонатов. Несмотря на тесноту, в музее стали регулярно организовывать выставки. Особое впечатление на горожан произвела Карельская национальная выставка, приуроченная к празднованию пятилетия автономии Карелии. Летом 1925 г. на ней демонстрировали картину В. Н. Попова «Водопад Гирвас» и портреты работы А. Андриянова, кружева заонежских мастериц, изделия из соломы, тивдийского мрамора. Музейщики показали богатые коллекции почтовых марок и денежных знаков. Гвоздем выставки стала «Изба карельского крестьянина», где были представлены обстановка, предметы быта, одежда крестьянина. Часть экспонатов музея – коллекция

икон, церковные предметы хранились в запасниках.

Были установлены научные связи с Русским музеем в Ленинграде, со всеми научными экспедициями, приезжавшими в Карелию.

Скончался Виктор Иванович в Ленинграде, в больнице жертв политических репрессий, там и похоронен 10 июля 1928 г. Некролог опубликован в журнале «Экономика и статистика», 1928, № 1, стр. 187. Автор некролога Потапов писал: «В. И. Крылов в короткий срок превратил скромный петрозаводский музей в один из главнейших очагов краеведческой работы и экскурсионного дела. Музей становится как бы центром, вокруг которого стали группироваться научные работники, прибывшие в Карелию с научной целью.»

После кончины В. И. Крылова в 1928 г. директором музея назначили выпускника Ленинградского университета С. А. Макарьева (1895–1937), уроженца вепсского края.

Николай Кораблев

В. И. Машезерский – историк карельского края

Виктор Иванович Машезерский, 100-летний юбилей которого общественность республики отмечала в 2002 году, был видным ученым-историком и организатором науки. Его имя и судьба неразрывно связаны с историей становления и развития гуманитарных исследований в Карелии.

Родился Виктор Иванович 21 января 1902 г. в старинном карельском селе Ругозере в семье учителя, русского по национальности. Окончив сельскую школу и Олонецкое высшее начальное училище, он поступил в Петрозаводскую учительскую семинарию, но из-за трудного материального положения семьи вынужден был оставить учебу до завершения семинарского курса. Трудовой путь начал в 1918 г. служащим Олонецкого уездного военкомата, а с 1920 г. работал сельским учителем в Кукшезере и Видлицах. В 1923 г. поступил в Петроградский педагогический институт им. А. И. Герцена, по окончанию которого в 1927 г. приехал в Петрозаводск. В течение ряда лет работал преподавателем обществоведения и директором школы, затем, с 1932 г., преподавал историю СССР в вечернем рабочем университете, Карельском комвузе и педагогическом институте.

Научная деятельность В. И. Машезерского началась в середине 1930-х гг. Он принимает активное участие в подготовке сборника документов «В боях за Советскую Карелию» (Петрозаводск, 1932). В 1934–1936 гг., являясь ответственным секретарем историко-партийной комиссии при Карельском обкоме ВКП(б), проводит большую работу по сбору и систематизации материалов о революционном движении в крае[1]. В марте 1936 г. его направляют на должность ученого секретаря в Карельский комплексный научно-исследовательский институт (ККНИИ), а с декабря 1937 г. он становится директором данного учреждения, уже получившего новое название – Карельский научно-исследовательский институт культуры[2].

Это было исключительно трудное, трагическое для первого научно-исследовательского учреждения республики время. В результате репрессий, обрушившихся в 1935–1936 гг. под флагом борьбы «с буржуазным национализмом», Институт понес невосполнимые потери. Он лишился авторитетных руководителей – Председателя Совнаркома Карелии, первого директора Института Э. А. Гюллинга и заместителя директора – известного этнографа С. А. Макарьева, а также многих опытных специалистов. В частности, практически перестала существовать, представлявшая историческое направление исследований, историко-революционная секция, так как из трех ее штатных сотрудников – заведующего Э. А. Хаапалайнена, консультанта Ю. К. Сирола и совместителя Г. Е. Власьева[3], двое – Хаапалайнен и Сирола были уволены.

Однако и после этого Институт оставался под подозрением. С июня 1937 г. по октябрь 1938 г. органами НКВД разрабатывалась версия о существовании в институте «шпионско-повстанческой» организации или ее ячейки. По вновь сфабрикованному делу были арестованы, а затем расстреляны: один из ведущих научных сотрудников Н. Н. Виноградов, историк-архивист Н. В. Хрисанфов, бывшая заведующая библиотекой ККНИИ Е. П. Ошевенская, а также уже находившийся на пенсии Э. А. Хаапалайнен[4]. Их трагическую судьбу разделил и работавший после изгнания из Института в республиканском музее С. А. Макарьев.

В результате репрессий кадровый и творческий потенциал Института оказался подорванным. Перед новым директором встала по существу задача возрождения научного учреждения, получившего страшный удар, причем делать это приходилось в сложной общественной обстановке. И все же руководство Института во главе с В. И. Машезерским искало и находило пути решения возникших проблем, что, в частности, видно на примере созданного вместо упраздненной историко-революционной секции сектора истории. На работу в сектор были приглашены такие молодые и перспективные исследователи, как В. И. Пегов из Карельского центрархива и Р. Б. Мюллер, закончившая аспирантуру Ленинградского университета; стала широко использоваться практика совместительства, когда для выполнения тех или иных конкретных тем приглашались специалисты из вузов и научно-исследовательских учреждений Москвы и Ленинграда: А. И. Андреев, В. Г. Гейман, С. С. Гадзяцкий, С. М. Левидова и другие. Была пересмотрена тематика исследований. Вместо оказавшейся «опасной» историко-революционной проблематики акцент был сделан на изучение досоветской, преимущественно средневековой истории края, что впрочем не противоречило установкам, содержавшимся в известном постановлении ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О преподавании гражданской истории в школах» от 15 мая 1934 г.

Усилия руководства Института принесли свои плоды. В предвоенные годы были подготовлены и опубликованы: книга С. М. Левидовой по истории Александровского (Онежского) завода, очерк В. И. Пегова «Польско-шведская интервенция в Карелии в начале XVII в.», монография С. С. Гадзяцкого «Карелы и Карелия в новгородское время», а также во многом уникальные, не утратившие научного значения до настоящего времени сборники документов «Карельская деревня в XVII в.» (составитель Р. Б. Мюллер, редактор А. И. Андреев) и «Материалы по истории Карелии XII–XVI вв.» (редактор В. Г. Гейман).

Научные интересы самого Виктора Ивановича Машезерского в то время также сосредоточивались в области истории Карелии досоветского периода. Совместно с А. М. Линевским и В. И. Пеговым в 1939 г. он издал «Хрестоматию по истории Карелии с древнейших времен до конца XVII в.», а в 1940 г. в альманахе «Карелия» появилась его статья «Волнения крестьян в Заонежье в конце XVII в.» в которой он первым обратился к изучению антифеодальной борьбы карельских крестьян с заводовладельцами[5]. Фактически именно В. И. Машезерским было открыто так называемое «Первое кижское восстание», впоследствии плодотворно изучавшееся Р. Б. Мюллер и Г. М. Коваленко.

Научно-организационная деятельность В. И. Машезерского подвела его к идее о необходимости развертывания комплексных научных исследований в Карелии. В 1940 г., с образованием Карело-Финской ССР, он обращается с докладной запиской к первому секретарю ЦК компартии республики Г. Н. Куприянову, в которой впервые предлагает образовать в Карелии научную базу в качестве подготовительной ступени к созданию филиала АН СССР. В проекте структуры филиала предполагалось образование двух институтов: Института языка, литературы и истории и Института экономики и производительных сил[6]. К сожалению, война прервала работу по реализации этих планов.

В начале Великой Отечественной войны В. И. Машезерский принимал активное участие в эвакуации материальной базы Института в г. Сыктывкар. После этого и временного прекращения деятельности Карельского института до мая 1942 г. работал директором республиканского музея Коми АССР. С 1942 по 1946 гг. он находился в рядах Советской Армии, преподавал социально-экономические дисциплины в пехотном училище.

После демобилизации из рядов Вооруженных Сил Виктор Иванович Машезерский возвращается в Петрозаводск, где приступает к работе в должности ученого секретаря вновь организованной в Петрозаводске Научной базы (Филиала) АН СССР, идею создания которого он в свое время выдвигал. В состав нового учреждения вошли Институт – ИЯЛИ (бывший Карельский научно-исследовательский институт культуры), 5 секторов: геологии, гидрологии, почвенно-ботанический, зоологический, промышленно-экономический, заповедник «Кивач» и научная библиотека.

На посту ученого секретаря филиала АН В. И. Машезерскому довелось приложить много сил для развертывания и координации дея-

тельности научных подразделений, организации экспедиций, проведению первых научных конференций, налаживанию выпуска изданий, в том числе журнала «Известия Карело-Финского филиала АН СССР».

В 1950 г. В. И. Машезерский возвращается на пост директора Института языка, литературы и истории, оставаясь на нем в течение 15 лет. Именно в эти годы, в том числе благодаря усилиям Виктора Ивановича, деятельность Института выходит на качественно новый, по сравнению с довоенным периодом, уровень. Если до войны сектора Института культуры вели главным образом накопление фольклорных, языковедческих и архивных документальных материалов и только приступали к их публикации, то теперь, наряду с продолжением этой работы, коллектив активно перешел к решению задач по изучению и осмыслению накопленного материала и разработке наиболее важных и актуальных научных проблем. Удалось подготовить собственные квалифицированные кадры исследователей по основным научным направлениям. В Институт пришли такие ныне широко известные ученые, как Э. Г. Карху, Э. С. Киуру, М. Ф. Пахомова, В. В. Пименов, Р. Ф. Никольская, Я. А. Балагуров, Г. А. Панкрушев и другие. Значительно расширилась тематика работ. В 1955–1956 гг. в составе сектора истории были созданы специальные группы археологии и этнографии, что позволило развернуть систематические археологические изыскания и возобновить планомерные этнографические исследования карелов и вепсов. Значительно активизировалась работа в области прибалтийско-финского языкознания, началось изучение истории и литературы Финляндии. Не без усилий Виктора Ивановича удалось сохранить Институт ЯЛИ в системе Академии наук, когда в 1963 г. временно (до 1967 г.) был расформирован Карельский филиал АН СССР.

Несмотря на загруженность организационными делами, В. И. Машезерский целеустремленно занимался исследовательской деятельностью. Сферой его научных интересов становится история Карелии в период российской революции 1917 г. и гражданской войны. Фактически он выступил первопроходцем в монографическом изучении данной проблематики, предвосхитив наметившийся со второй половины 1950-х годов в отечественной историографии переход от освещения событий революции и гражданской войны в общероссийском масштабе, с главным вниманием к столицам, к раскрытию темы на региональном и локальном уровне.

В 1949 г. им была успешно защищена кандидатская диссертация «Большевики Карелии в борьбе за установление и упрочение Советской власти. 1917–1918 гг.», впоследствии переработанная в монографию «Установление Советской власти в Карелии» (Петрозаводск, 1957). В 1953 г. В. И. Машезерский опубликовал очерк «Разгром иностранных интервентов и белогвардейцев в Карелии в 1918–1920 годах». Разумеется, эти работы выполнены в рамках господствовавшей тогда классово-идеологизированной концепции, да иного, наверное, и быть не могло. Думается, что данная концепция в целом соответствовала личным убеждениям и взглядам автора. Необходимо однако отметить, что для Виктора Ивановича Машезерского как исследователя было характерно добросовестное отношение к имевшимся в его распоряжении источникам, творческий подход к делу, выражавшийся в отказе от подгонки политически «выгодных» общероссийских схем к местному материалу, стремление выявить региональную специфику процесса. Так, в отличие от доминировавших тогда представлений о тотальном руководстве большевиками событиями Февраля 1917 г., в его монографии в соответствии с источниками отмечается, что большевистские организации в крае стали возникать лишь в предоктябрьские месяцы (конец лета–осень)[7], а, следовательно, до этого и не могли реально влиять на события. Значительное внимание в работе уделено деятельности эсеро-меньшевистского Олонецкого губсовета весной и летом 1917 г., фактически руководившего краем. И, главное, в общем-то монография объективно отражает конфронтационную устремленность основных политических сил, действовавших в Карелии в 1917–1918 гг., их нежелание и неумение искать общественное согласие по ключевым проблемам, что в итоге привело к скатыванию края, как и всей страны, в бездну гражданской войны.

В. И. Машезерский в качестве научного редактора участвовал также в подготовке сборника воспоминаний участников гражданской войны «За Советскую Карелию» (Петро-

заводск, 1963) и сборников документов: «Борьба трудящихся Карелии за установление и упрочение Советской власти» (Петрозаводск, 1957) и «Карелия в период гражданской войны и иностранной интервенции (1918–1920)» (Петрозаводск, 1964). Особо следует отметить ценность документальных сборников. До настоящего времени это самые крупные по объему и полноте публикации источников, относящихся к советскому периоду истории Карелии. В них включено в общей сложности более тысячи документов, подавляющая часть которых впервые вводилась в научный оборот. При этом составители и редакторы пошли на смелый и новый для своего времени шаг, включив в состав сборников не только материалы из стана сторонников большевистской власти, но и, как тогда говорилось, «из вражеского лагеря». В качестве примера достаточно назвать публикацию основных пунктов изданного Олонецким губсоветом эсеро-меньшевистского состава «Положения об организации правительственной власти в Олонецкой губернии» от 27 октября 1917 г., в которых Совет наделяет себя полномочиями высшей правительственной власти в губернии, то есть, по сути, отказывается признать легитимным правительство СНК во главе с В. И. Лениным[8]. Интересно, что, по свидетельству архивистов, некоторые из документов, опубликованных коллективами составителей во главе с В. И. Машезерским, впоследствии вновь были переведены на закрытый режим хранения. Отметим, что и в археографическом отношении указанные сборники до сих пор остаются одними из лучших среди изданных в республике. Составителям и редакторам удалось обеспечить публикацию почти всех выявленных документов в полном виде, без извлечений. А в тех редких случаях, когда извлечения все же делались, содержание опущенных частей, если оно было связано с темой сборника, излагалось в подстрочных примечаниях. К сожалению, в более поздних документальных публикациях такой принцип по разным причинам далеко не всегда выдерживался.

Основной задачей, которую решали историки Института в 1950-х – первой половине 1960-х годах, была подготовка первого обобщающего труда по истории Карелии. Изначально планировался выпуск трехтомника, в котором Виктор Иванович должен был писать ряд глав по советскому периоду. В 1952 г. авторским коллективом в составе А. Я. Брюсова (главный редактор), А. М. Линевского, Р. Б. Мюллер и И. П. Шаскольского была завершена работа над рукописью первого тома, охватывавшего историю края с древнейших времен до середины XVIII в. Рукопись размножили типографским способом в качестве макета для обсуждения и дальнейшей подготовки к изданию. Работа получила ряд положительных отзывов от научных учреждений, но подверглась идеологическому разгрому со стороны партийных органов. Авторов безосновательно обвиняли в серьезных политических ошибках и фальсификации истории. Утверждалось, что рукопись содержит «методологически неверную концепцию, дающую оружие в руки финляндской буржуазии». В этой ситуации Виктор Иванович как директор держался достойно, отказавшись признать «порочность книги в целом». Тем не менее ему было поставлено на вид за «либерализм к грубым ошибкам, допущенным авторами», а авторский коллектив макета отстранили от дальнейшей работы над «Историей Карелии»[9].

Однако задача создания обобщающего труда не снималась с повестки дня. Пришлось приступить к формированию нового коллектива авторов, основной костяк которого составили молодые исследователи, только что завершившие обучение в аспирантуре (А. И. Афанасьева, Г. Н. Богданова, М. Н. Власова, А. С. Жербин, К. А. Морозов). Возглавить работу поручили В. И. Машезерскому и Я. А. Балагурову, причем Виктор Иванович руководил подготовкой самой сложной части, посвященной советскому периоду, а также выступал в качестве автора двух глав, освещающих события революции 1917 г. и гражданской войны. На этот раз дело удалось довести до конца, хотя и не обошлось без осложнений: рукопись второго, «советского», тома пришлось дорабатывать в течение семи лет до кондиций, удовлетворявших партийное начальство. Одним из важных достоинств новой книги («Очерки истории Карелии». Т. 2. Петрозаводск, 1964) стало возвращение в историю и введение в научный оборот имен многих людей, исчезнувших в годы сталинских репрессий, в том числе руководителей советской Карелии 1920–30-х гг. во главе с Э. А. Гюл-

лингом, внесших весомый вклад в становление и развитие республики.

В 1965 г. В. И. Машезерский покидает пост директора Института. До 1972 г. он работает заведующим сектором истории, а затем, вплоть до кончины в июле 1977 г. – старшим научным сотрудником этого же сектора. Последний период творческого пути Виктора Ивановича был посвящен разработке истории образования национальной автономии Карелии. Им написано несколько статей по этой тематике и итоговая монография «Победа Великого Октября и образование советской автономии Карелии». (Петрозаводск, 1978). Данная книга, подготовленная на обширном источниковом материале и выдержанная в концептуальном русле советской историографии, выделяется постановкой ряда проблем, сохраняющих острую научную актуальность. Так, в ней показано, что создание автономии Карелии вполне соответствовало общему курсу национальной политики большевистского руководства в 1920-е годы, характеризовавшемуся созданием на территории Советской России целой системы национально-государственных образований: автономных республик, автономных областей и автономных округов[10]. В современной постсоветской историографии проявилась тенденция к замалчиванию этого, ставшего политически невыгодным и неудобным аспекта, хотя очевидно, что он требует соответствующего научного осмысления.

Виктором Ивановичем доказывается глубокая неоднородность карельского национального движения в эпоху революции и гражданской войны в России. Два основных течения этого движения в книге охарактеризованы в духе своего времени как буржуазное и революционно-демократическое[11], хотя им, наверное, можно дать и другие условные названия – «ухтинское» и «олонецкое» или «профинляндское» и «пророссийское», поскольку разница между ними имела не только социально-классовые, но и этнокультурные, экономические и другие корни. Думается, что данное положение В. И. Машезерского нуждается в дальнейшем развитии и конкретизации.

При рассмотрении конкретных факторов, приведших к созданию Карельской Трудовой Коммуны, в финляндской и отечественной постсоветской литературе основной упор делается на деятельности «Ухтинской республики» и возникшей в связи с этим у советского правительства необходимости выработать ей альтернативу в виде КТК. Заметное внимание уделяется также соответствующему проекту Э. А. Гюллинга и его поддержке В. И. Лениным[12]. В монографии же В. И. Машезерского большое значение придается еще одному самостоятельному фактору, логически вытекавшему из его концепции о наличии революционно-демократического направления в карельском национальном движении – речь идет о политической позиции Олонецкого уездного исполкома, возглавлявшегося Ф. И. Егоровым, А. И. Никитиным и П. И. Кунжиным. Исполком выступил с инициативой созыва Всекарельского съезда трудящихся карел, которая фактически была санкционирована Москвой постфактум. Весьма примечательно, что данный съезд имел статус общественного и не был наделен должными законодательными полномочиями[13]. Идея Виктора Ивановича косвенно подтверждается выявленным в последнее время, в частности, А. А. Левкоевым, фактом противостояния в период становления автономии между так называемой «русско-карельской оппозицией», которую возглавил В. М. Куджиев, и руководством КТК из «красных финнов» во главе с Э. А. Гюллингом[14]. Представляется, что при дальнейшем изучении проблемы углубленное внимание должно быть уделено всем выше названным факторам.

Книга «Великий Октябрь и образование Советской автономии Карелии» стала научным завещанием В. И. Машезерского. Трудился над ее заключительными разделами он уже тяжело больным. И, как свидетельствует научный редактор этой монографии К. А. Морозов, «только неимоверное напряжение сил позволило Виктору Ивановичу перед самой кончиной завершить работу»[15].

Виктор Иванович всегда сочетал научную работу с общественной деятельностью: он был активным лектором, много выступал в периодической печати, в 1966 г. стал одним из организаторов Карельского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и в течение многих лет возглавлял Президиум ВООПИК. Под руководством В. И. Машезерского Республиканское отделение Общества охраны памятников стало массовой общественной организацией, его ячейки и отделения возникли во всех районах Карелии. Ему удалось привлечь к активной работе

в обществе таких известных и авторитетных людей, как писатели и ученые Д. М. Балашов и А. М. Линевский, исследователи архитектуры Н. В. Куспак и В. П. Орфинский, историк Я. А. Балагуров, музейный работник И. М. Мулло, археолог Ю. А. Савватеев, краеведы Н. Г. Прилукин из Олонца и Т. А. Хаккарайнен из Сортавалы и многих других, выступавших подлинными и страстными ревнителями культурного наследия края. В значительной мере благодаря принципиальной позиции ВООПИК в конце 1960-х–1970-х гг. удалось сохранить для потомков от посягательств недальновидных хозяйственников такие первоклассные памятники, как комплекс Валаамского монастыря, Успенские соборы в Кеми и Кондопоге, отметить мемориальными досками и знаками многие исторические объекты.

Судьба распорядилась так, что Виктору Ивановичу Машезерскому пришлось жить и творить, может быть, не в лучшие для отечественной исторической науки времена. Но он всегда оставался подвижником научного поиска, отдававшим все свои силы и знания служению любимому делу – изучению истории и культуры родного карельского края.

Александр Мошин

Архитектор Н. В. Куспак

Николай Владиславович Куспак родился в 1919 году в небольшом якутском городке Витиме. Его отец Владислав Янович Куспак, поляк по национальности, за участие в революционном движении был сослан царским правительством в Сибирь на вечное поселение.

Еще в раннем детстве у Николая появилась любовь к рисованию. На клочках бумаги он изображал красивые дома и дворцы, которые искусно расставлял в своих «городах». Это увлечение определило его дальнейшую судьбу. После семилетки Николай поступил учиться в дорожно-строительный техникум. Когда окончил первый курс, семья переезжает в город Красноярск. Здесь заканчивает десять классов и, параллельно, детскую художественную школу. В 1937 году прощается с Сибирью и уезжает в Москву. Там учится на курсах по подготовке в институт, одновременно работая в тресте «Главгастроном», и в 1938 году поступает в инженерно-строительный институт имени Куйбышева. Но его влекла архитектура. В 1940 году он добился перевода в Московский архитектурный институт. Но тут грянула война. Николай Куспак уходит на фронт. Находится в составе войск первой воздушной армии в качестве сотрудника оперативного отдела. И в боевых условиях он не расстается с бумагой, карандашами и красками. Между боями оформляет боевые листки и плакаты, интересуется местными достопримечательностями и архитектурой.

В октябре 1945 года Николай Куспак возвращается на третий курс Московского архитектурного института и в 1949 году успешно заканчивает его.

Богатые институтские традиции, талантливые преподаватели, архитекторы, широко эрудированная студенческая среда сформировали его как специалиста, выявили широкий круг интересов.

На работу он поехал в город Брянск в «Брянскоблпроект». Его назначают архитектором, затем руководителем бригады, главным архитектором. За короткое время Николай Куспак спроектировал 12 объектов, 9 из которых были построены. Среди них: Дом профсоюзов, Дом промышленности и др.

Николай Куспак считает, что имеет еще недостаточно специальных знаний, он обращается к руководству проектной конторы и получает рекомендацию для поступления на факультет усовершенствования архитекторов при Московском архитектурном институте Академии Архитектуры СССР, где обучается с 1952 по 1954 год.

В этот период жизни его особенно заинтересовала церковная архитектура. Он изучает специальную литературу, исследует архивные материалы, посещает храмы, делает многочисленные зарисовки. Особенно его очаровала роспись в Ферапонтовом монастыре, выполненная великим древнерусским художником Феофаном Греком.

После окончания факультета усовершенствования архитекторов Николая Куспака направляют работать в Карелию. Первого декабря 1954 года его принимают в республиканскую контору «Карелгражданпроект», назначают на должность архитектора, а вскоре,

опытный специалист, он становится начальником мастерской № 1, занимается жилищным проектированием. Николай Куспак работает над проектом жилого дома по улице Куйбышева, кинотеатра на Перевалке, является одним из авторов проекта третьей очереди Петрозаводского Государственного университета.

Когда начинается интенсивная застройка Кондопоги, Сегежи, Медвежьегорска, Сортавалы и других городов республики, Николая Куспака назначают начальником отдела генпланов. Однако его тяготит административная работа, он всецело хочет посвятить себя только творческой деятельности. На этой почве стали возникать конфликтные ситуации. Руководство проектной конторы идет ему навстречу – и 24 февраля 1964 года Николая Куспака назначают главным архитектором-автором генплана города Сегежи, освободив от должности начальника отдела генпланов. Под непосредственным руководством и с его участием были выполнены более тридцати генеральных планов, в том числе Сегежи, Кондопоги, Медвежьегорска, Сортавалы и других городов.

Он занимается детальной планировкой жилых районов Петрозаводска.

Строительный техникум и Петрозаводский Государственный университет обратились к директору «Карелгражданпроекта» с просьбой, чтобы он разрешил Николаю Куспаку во внеурочное время читать курс лекций «Архитектура гражданских и промышленных зданий». Николай Владиславович с полной самоотдачей отнесся к подготовке молодых специалистов. Он являлся председателем Государственной комиссии по защите студентами дипломных проектов.

Его вдова Нина Ивановна рассказывает: «Все деньги тратили на поездки. У нас ведь не было ни дачи, ни машины». Зато они побывали в четырех круизах по странам Средиземноморья и в двух круизах вокруг Европы, в ГДР и Финляндии. В эти поездки всегда брались фотоаппарат, кинокамера, бумага, холсты, карандаши, кисти, краски. Домой привозились сотни фотографий, этюдов, зарисовок. Николай Владиславович собственноручно обработал более четырех тысяч слайдов, которые использовал на своих лекциях в качестве иллюстративного материала. Николай Куспак принял самое непосредственное участие в подготовке многих молодых специалистов. Некоторые из них стали впоследствии видными руководителями строительного производства.

Он активно занимался общественной работой. Часто выступал в организациях и на предприятиях с лекциями. Но особую любовь испытывал к детям-учащимся общеобразовательных школ, где вел лекторий по истории искусства.

Вот какое письмо было однажды получено руководством «Карелгражданпроекта»: «Тридцатая средняя школа города Петрозаводска доводит до вашего сведения, что работник вашего института архитектор Николай Владиславович Куспак в течение всего учебного года вел лекторий «Мир глазами карельских архитекторов». Все занятия были проведены на высоком уровне, вызывали большой интерес у учащихся старших классов, оказали помощь школе в эстетическом воспитании, профориентации и общем развитии школьников… Администрация школы просит вас поблагодарить Николая Владиславовича за большую шефскую работу и поощрить за активное воспитание подрастающего поколения. Надеемся, что Николай Владиславович и впредь также творчески и интересно будет принимать участие в этом благородном деле».

Николай Владиславович Куспак являлся всесторонне одаренной личностью. За что бы он ни брался, все делал хорошо и красиво. В конце 60-х годов в институте «Карелгражданпроект» по инициативе архитекторов В. Орфинского, Н. Куспака и фотомастера Б. Бойцова была создана любительская киностудия «Руна». За несколько лет было подготовлено и снято 40 фильмов, большая часть которых отражала природу, культуру, архитектуру Заонежья и Карелии и была отмечена республиканскими, Всесоюзными и международными наградами.

Он много сделал для популяризации и сохранения ценных образцов народного деревянного зодчества Карелии. При его активном содействии 5 городов республики: Петрозаводск, Пудож, Олонец, Кемь и Сортавала получили статус исторических городов.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 июня 1980 года за заслуги в области архитектуры Н.В. Куспаку было присвоено почетное звание «Заслуженный архитектор РСФСР».

Со дня основания городского клуба «Краевед» Николай Владиславович почти на протяжении 10 лет активно участвует в его деятельности. Он ведет глубокую исследовательскую работу, печатает статьи в газетах и журналах. Им подготовлена к печати богато иллюстрированная монография «Храмы Петрозаводска: их гибель и возрождение». Исследованы материалы по культуре и архитектуре ряда городов Карелии. Он выступал на заседаниях клуба с содержательными лекциями. До сих пор члены клуба помнят его интересную, образную лекцию-экскурсию по старому кварталу города Петрозаводска (севернее Левашовского бульвара, у берега Онежского озера).

Когда было решено построить на Кукковке, на развилке Вытегорского шоссе и улице Лыжной, Петропавловскую часовню, не возникло вопроса, кому поручить ее проектирование. Именно в эту работу Н. Куспак вложил все свои последние силы. При проектировании он опирался на лучшие образцы русского церковного зодчества и восстановил древнерусский стиль «церкви под звоном». Долгая дорога привела его к храму.

Приходится лишь сожалеть, что Николай Владиславович уже не смог присутствовать при освящении часовни.

Она красива, изящна и легко возносится к голубым небесам, и первый в этом храме молебен был совершен по усопшему автору проекта.

Последней авторской работой Н. Куспака стал обелиск погибшим во время Великой Отечественной Войны воинам в д. Суйнаволок.

9 июля 1998 года в 12 часов дня Николая Владиславовича увезли в больницу с диагнозом «нестабильная стенокардия».

В 17 часов, когда его навестила жена, он полулежал на больничной койке и оживленно разговаривал с больными. Попросил жену принести ему бумагу и карандаш, а в 21 час его не стало.

Н. В. Куспак оставил огромное архитектурное и краеведческое наследство: подготовленные и незавершенные исследовательские работы, живописные полотна, эскизы, тысячи слайдов и фотографий, десятки фильмов.

Его квартира – подлинный музей заслуженного архитектора, который ждет своего исследования.

Людмила Лауканин

Этого не забудешь никогда

До войны жили мы в Ленинграде. Отец, Дякин Борис Петрович, окончил финансово-экономический институт и был направлен на работу в Карелию.

Получив квартиру, перевез нас с мамой в Петрозаводск. Жили мы в доме на углу ул. Свердлова и Комсомольской (ныне Андропова) в очень просторной двухкомнатной квартире на втором этаже с общей кухней.

В январе 1940 года родился братец Игорек. Было мне тогда восемь лет. Я часто бегала к отцу в Наркомат финансов, где он тогда работал, и просила, чтобы дал мне рублик. Он никогда не отказывал, и я бежала за конфетами в гостиный двор. Располагался он так: половина здания по проспекту Карла Маркса, а второй половиной закруглялся по улице Куйбышева. Довольно продолговатое уютное здание. Конфеты разные, каких только не было, и стоили недорого. Как великая сладкоежка, я наедалась ими вдоволь. Если пройти от гостиного двора к набережной Онежского озера, на правой стороне стоял кинотеатр «Красная Звездочка», куда мы бегали посмотреть кино.

Отец очень любил природу, рыбалку и свою любовь передал нам, детям. Моему братику было полтора года, когда жарким июньским деньком мы поехали отдыхать на природу, в лес.

Расположились неподалеку от дороги, где оставили машину, было слышно, как играла музыка. Настроение у всех было прекрасное. Стояла солнечная теплая погода. Мама расстелила одеяльце на травке, братик ползал по нему, вдыхая чудесный аромат леса. И вдруг из репродуктора донеслось: «Война». Отец быстро собрал нас, и мы тотчас же вернулись в город.

По лицам старших мы, дети, понимали, случилось что-то страшное, непоправимое. Начались бомбежки, и нас отправили в Пудож. Объясняли: много с собой не берите, война продлится недолго, берите только самое необходимое.

Соседки, зная, что мама хорошо шьет, посоветовали: – Наташа, возьми с собой ручную машинку. – Она так и сделала, завернула ее в пуховую перину. Потом она нас здорово выручала.

Под непрерывными бомбежками из Петрозаводска вглубь страны эвакуировали научно-исследовательский институт, Госуниверситет, театры, краеведческий музей, демонтировали и отправили станки Онежского завода.

Начали строить оборонительные рубежи. В середине июля 1941 года строительный отряд, комиссаром которого был заместитель наркома финансов, мой отец Борис Петрович Дякин, под Святозером попал в окружение. Связь с Петрозаводском оборвалась. Было решено прорываться к своим. Пришлось пробираться через лесные чащи, болота. Сооружали плоты, гати, преодолевали водные пути. Появились больные, приходилось нести их на носилках. Люди оборвались, кончались продукты. Только к концу сентября вышли к Петрозаводску. И приступили к строительству новых оборонительных сооружений. И все-таки второго октября город пришлось оставить.

Из Пудожа нас эвакуировали в Челябинскую область в Дрянновский сельсовет. До железной дороги добирались на баржах. Нас постоянно бомбили. Впереди баржа была потоплена.

Встретили нас не особо приветливо. Звали беженцами, «кувырканными». Относились с недоверием, считая ни на что не способными. Городские же! Маме с Анной Масягиной дали лошадь и отправили в лес. Дом, где мы жили, стоял у самого леса. Выйдя на крыльцо, я увидела, как по дороге, понукая лошадь, шли женщины рядом с полно нагруженным возом длинных стволов деревьев. Снежок приятно похрустывал. Было морозно. Сельсовет располагался на горушке, и лошадь еле тянула воз. Увидев, как надрывается лошадка, выскочил председатель колхоза и крикнул: «Наташка, что вы делаете, лошадь племенная!» На следующий день вечером по той же дороге проходил такой же воз, запряженный двумя быками. И мы с братиком были рады, наконец-то наша мама возвращается с работы.

В свободное время мама шила. Приходили женщины и просили сшить лопотинку, так на-

зывали фуфайки. Платили: обычно давали несколько картофелин, крыночку молока, немного муки. Чему мы были очень рады. Ведь первое время нам пришлось есть гнилую картошку, которую собирали в поле, за что маму чуть не посадили.

От отца очень долго не было никаких вестей. Мы не знали, жив он или нет. Как радовались, когда от папы пришла продуктовая посылка, а вскоре последовал вызов. И мы отправились в город Беломорск, который стал временной столицей Карелии, приютив республиканские учреждения. Местные жители тепло провожали нас. Приносили, завернув в тряпочки, кто что мог, поесть. Какое-то время шли за санями, прощаясь с нами. И лошадка увезла нас до станции.

Встречал нас папа, а мы плакали, видно, прорвалось все наружу от всего пережитого. Отца мы видели редко. В школу мне приходилось бегать в Шижню, за четыре километра. Помню, как бежали мы туда и попали под дождь, промокли до нитки, учителя нас старались обсушить, напоили горячим чаем.

28 июня 1944 года войска Карельского фронта и Онежская флотилия освободили столицу Карельской республики Петрозаводск. Отходя, фашисты заминировали город. Хлебозавод подготовили к взрыву. Саперы Онежской флотилии очищали город от мин и фугасов. Он был весь в руинах. Сохранилось несколько деревянных домов по проспекту Ленина. Дом, в котором мы жили, был разрушен. Все нажитое родителями погибло. А ведь у отца была хорошая библиотека. Он очень любил читать, хотя всю жизнь у него было очень мало свободного времени. Потом уже дом был восстановлен. В развалинах лежали гостиница «Северная», гостиный двор, кинотеатр «Красная Звездочка», Речной вокзал, Онегзавод, Госуниверситет. Люди, освободившиеся из концлагерей, расположенных в черте города, истощенные, полуживые, старались разбирать от завалов улицы, районы города.

Мы одними из первых въезжали в разрушенный, холодный город. Где раньше был памятник В. И. Ленину, стояла пушка, сохранились невысокие кирпичные домики, которые обрамляли кругом площадь Ленина. Мы проехали во двор, где со стороны Закаменского переулка стояли два двухэтажных дома. В глубине двора, прямо, по улице Герцена, виделся еще один двухэтажный дом. В нем разместились с семьями члены правительства: Председатель Президиума Верховного Совета Павел Степанович Прокконен, позднее он стал председателем Совета Министров Карелии, Первый секретарь ЦК КП Карело-Финской ССР, член Военного Совета Карельского фронта Геннадий Николаевич Куприянов, секретарь ЦК ЛКСМ Юрий Владимирович Андропов, депутат Верховного Совета СССР Адольф Петрович Тайми.

В нашем дворе жили: семья писателя Ф. А. Трофимова, Н.И. Малютина, Л. Самойлов, Сорокины, Ястребовы, Магницкие, Каргопольцевы, Соколовы, Битенбиндеры, Ивановы.

Во дворе была кочегарка, видно, отапливала деревянные дома. Там мы, дети, находили множество валявшихся разноцветных книг. Привлекали нас яркие картинки, и мы растаскивали их по домам. Жили мы дружно, любимой нашей игрой была лапта.

Говорили, что, когда началась война, местные жители разобрали памятник В.И. Ленина, чтобы сохранить его. Потом он снова был восстановлен, где и возвышается до сих пор.

Съезжались бывшие жители города. И каждый, от мала до велика, не жалея сил и времени, старался возродить родной Петрозаводск. Работали по 18 часов в сутки. И никто не роптал, ни на что не жаловались. Радовались жизни, пожалуй, так, как никто не умел этого делать, хотя и зарплата была небольшой, да и продуктов тогда не хватало. Царила атмосфера истинного патриотизма.

Кипела работа на набережной Онежского озера. Разбили парк культуры и отдыха. Сюда спешили и взрослые, и дети, чтобы посадить кустики, деревца. И мы, школьники, сажали кусты, разбирали завалы кирпичей. К сожалению, не стало кинотеатра «Красная Звездочка», мы его называли просто «Звездочка», гостиного двора.

После возвращения Госуниверситета из эвакуации, разместили его в сохранившемся здании учительского института. Уже в 1945 году строители вместе со студентами приступили к восстановлению учебного корпуса университета.

Старались побыстрее разобрать руины взорванных фашистами зданий гидростанции на Лососинке, Соломенской тепловой станции.

К сентябрю удалось восстановить две небольшие электростанции на Лососинке, а также здание теплоэлектростанции. Оборудование Соломенской ТЭС увезти в эвакуацию не успели и утопили в затоне Тихий Наволок. Со дна реки, в завалах, добывали недостающие детали.

Появились клумбы с цветами. Город любовно убирался и если кто бросал папиросу или топтал клумбу, его штрафовали. Улицы выглядели свежо и празднично.

9 Мая 1945 года объявили: ПОБЕДА – война закончена. Стоял солнечный, теплый майский денек. Как радовались: война окончена, больше не стреляют, не гибнут люди. Все торопились на площадь В. И. Ленина, обнимались, целовались, плакали. Многие были еще в военной форме. Играла гармонь, танцевали, пели. Тут же бегали счастливые ребятишки. Оживала природа.

Вечером, когда стемнело, из Онегзаводской ямки салютовали в честь Дня Победы. Люди бежали под горку, чтобы все увидеть своими глазами. Еще долго длилось веселье, расходиться не торопились.

Это было время очень теплых человеческих отношений. Старались во всем помогать друг другу, делились последней корочкой хлеба.

Окончилась война. Залечивали раны города и поселки. Только не все вернулись в родные дома. Навряд ли найдешь семью, где бы не погиб родной, близкий человек. Сколько пролито слез…

Наше государство увековечило память своих героев. Совсем молодыми погибли карельские девушки Анна Лисицина, Мария Мелентьева. Их именами названы улицы.

Именем Героя Советского Союза Василия Михайловича Зайцева назван совхоз. Именем Героя Советского Союза, воспитанника Петрозаводского аэроклуба названа улица Репникова Н. Ф. Имя Н. Г. Варламова, повторившего подвиг Александра Матросова (посмертно ему присвоено также звание Героя Советского Союза), носит одна из улиц нашего города. Мы никогда не забудем своих героев.

И, конечно, то время не забудешь. Такое не забывается никогда.

Североамериканские финны в Карелии

Карелия до вербовки рабочей силы из Америки

Созданная 8 июня 1920 г. Карельская Трудовая Коммуна под руководством выдающегося финского ученого, командира Красной Гвардии доктора философии Эдварда Гюллинга* имела личную поддержку В. И. Ленина. Сложная, благородная жизнь Э. Гюллинга интерпретируется по-разному. Наилучший анализ его жизненного пути дан его биографом Арво Юляраккола[16].

По мнению Москвы, создание Коммуны способствовало тому, чтобы сохранить территориальную целостность России, а также тому, чтобы сделать Карелию своего рода моделью для подражания финнам и скандинавским странам. Планы Э. Гюллинга выдвинули серьезные хозяйственно-политические и культурные задачи. Они раскрыты в исчерпывающем исследовании доктора Маркку Кангаспуро[17]. Несколько слов о той стороне деятельности правительства Э. Гюллинга, к которому в 1928 г. присоединился и К. Ровио*. Это имеет прямое отношение к приезду в Карелию североамериканцев.

Политика коренизации, которая на отдельных этапах развивалась как политика финнизации, карелизации, руссификации, имеет в нашей теме особое значение. К 1932 г. школы всех районов, в которых преобладало карелоязычное население, были переведены на финский язык. Уже к 30-м годам создание финноязычной языковой атмосферы в культурной деятельности преуспело: выходила финская газета *Punainen Karjala*, радиовещание велось на русском и финском языках, работало издательство *Kirja*, свои первые шаги делал Финский драматический театр, в Петрозаводске функционировали начальная и средняя школы. При Петрозаводской средней школе был открыт интернат для детей из близлежащих лесных поселков.

Мнение Э. Гюллинга и его соратников о том, что наличие финноязычной культуры может сыграть решающую роль при вербовке рабочей силы с Запада, оправдалось. Однако, культура не была главной. В Карелии, как и по всей России, безудержно росли производственные планы. Потребность в «зеленом золоте» Карелии была неотложной для строительства и бумажной промышленности, но прежде всего – для экспорта: вырученная валюта даст возможность купить машины и оборудование для индустриализации страны. Существующее в лесной промышленности положение, когда пара лесорубов валила в лучшем случае одно-два дерева в день, никак не соответствовало возросшим требованиям. Родился план вербовки квалифицированной рабочей силы из дальней Америки. В 1930 г. в Петрозаводске было создано Переселенческое управление, и под его влиянием в 1931 г. – агентства *Карельская техническая помощь* в Нью-Йорке и Торонто. Министерство внешней торговли СССР в свою очередь создало советско-американскую торговую фирму *Амторг*. Кремль и Коминтерн поручили одному из лидеров американских финских коммунистов Матти Тенхунену* возглавить руководство нью-йоркским агентством. После его отъезда в СССР руководителем стал коммунист Калле Аронен*, а третьим и последним – Оскар Корган*, мой отец. Память этих трех жертв сталинских репрессий увековечена в Сандармохе, где наряду с ними покоятся останки 235 других жертв из США и Канады.

Ранние поселенцы

Справедливости ради следует отметить, что первые переселенцы из Северной Америки появились в России значительно раньше 30-х годов, когда об организованной вербовке еще не было и речи. Первая коммуна, рыбацкая, родилась 31 мая 1922 г. на берегах Белого моря. Сюда со своим оборудованием и know-how приехали верящие в будущее социализма энтузиасты с берегов Тихого океана и канадского города Су-Сент-Мари. Их переезд совпал

* Арестован и впоследствии реабилитирован.

с нэпом, чем они не преминули воспользоваться. Дочь коммунаров Сиркка Викторовна Лампинен, известная в Петрозаводске преподаватель физкультуры Петрозаводского педагогического училища, успела рассказать мне о высокопроизводительной коммуне. Члены коммуны владели 7/12 имущества и прибыли от продажи продукции; 5/12 – государство. Жизнь коммуны оборвалась, когда был положен конец нэпу. Участь Виктора Лампинена*, как и двоих его товарищей, трагична.

В Олонецком районе канадцы из Садбери, Онтарио, на 260 гектарах целинных земель создали сельскохозяйственную коммуну *Луч.* Ее многогранные успехи демонстрировались на Всесоюзных хозяйственных выставках. Уже в 1928 г. производство молочных продуктов давало сорокапроцентную прибыль, среднесуточный удой молока составлял 25 литров на корову. Здесь выращивали пшеницу и обеспечивали близлежащие колхозы высокосортными семенами. Опытом *Луча* поделилась дочь одного из руководителей коммуны Элиса Ахокаса* – бывший профессор ПГУ Виено Ахокас-Злобина, проживающая ныне на своей прекрасной родине[18]. Где сегодня славные труженики *Луча*? На полях Олонецкой долины,

в могилах, куда их закопали после расстрела. Тойво Туулос, сын одного из жертв сталинизма, пишет: «Все были заняты делом в этот прекрасный летний день, часть – чисткой колодца. Подъехал грузовик НКВД, всем приказали подняться на платформу. В этот день увезли около двух десятков тружеников, которых никто больше никогда не увидел. За моим отцом приехали в январе 1938 г.»

Американские финны организовали еще две процветающие сельскохозяйственные коммуны: *Сеятель* – на просторах донских степей (13 октября, 1922 г.) и *Труд* – на землях бывшего романовского поместья во Всеволожске, Ленинградской области (1927 г.) В *Сеятеле* доживали свой век немногие, из Всеволожска стали уезжать после поджогов. Финнов манила Карелия, куда в 30-е годы перебрались друзья и знакомые из родных мест. Именно в Карелии коммунаров постигла страшная участь сталинских времен. Десятки арестованы, но наиболее страшными являются судьбы двух семей – Альфреда* и Минны Луома и Бенджамина* и Марии Коскинен, из штата Орегон. В семье Луома, проживающей в совхозе № 2, осталась только престарелая мать с ребенком одной из дочерей: муж, два сына и три дочери были арестованы. В семье рабочего Карелавто Коскинена были арестованы и отец и сын Аарне*. Коскинена арестовали по обвинению в предательстве. Основание? Перехват письма этого американского коммуниста в ЦК Американской компартии. В письме Коскинен более чем обоснованно писал о бесчинствах, творящихся в СССР. «Расследование» его дела – единственное из обнаруженных, когда арестованного судили в суде. Все остальные приговоры были вынесены «тройками».

Коммуна *Кузбасс* была организована в 1922 г. идеалистом-коммунистом Себальдом Рутгерсом из Голландии. Ее цель – оказание помощи горной и сталелитейной промышленности на Урале. В ее состав входили 29 американских финнов. После выполнения контракта они вернулись в Америку.

Из США в Россию выехали три интернациональные группы под названием «Цемент». Около ста финнов вошли в их состав. Они приехали в Союз на контрактной основе для работы на возведении автомобильного завода в Нижнем Новгороде. Финны, наряду с русскими и другими рабочими-иностранцами, радовались выпуску с конвейера первого автомобиля. Многих уговорили остаться в стране на строительстве важнейших производственных объектов в других городах: Новом Сормове, Казани, Нижнем Тагиле, Мариуполе, Алма-Ате, Москве, Челябинске, Каменске. Части удалось вернуться на родину, другие, так же как и члены сельскохозяйственных коммун, оказались в краю лесов и озер.[19]

Поддержка страны Советов в Америке. Вербовка рабочей силы в Карелию

Во время моих многочисленных выступлениях в США, Канаде и Финляндии часто приходилось отвечать на вопрос: «Что побудило финнов эмигрировать в Россию? Ведь эксплуатация других иммигрантов тоже была тяжелой».

Верно! Конец XIX в. и первые десятилетия XX на Американском континенте характеризуются безудержным наступлением капитала, когда в погоне за прибылью дикий капитализм не останавливался ни перед чем. Чтобы отве-

тить на поставленный вопрос, надо вкратце остановиться на истории страны Суоми, чтобы показать, что финны отличались от других иммигрантов наличием боевых качеств, приобретенных в борьбе за независимость страны сначала от Швеции, а затем от России, а также в борьбе за уничтожение бесправия безземельных крестьян. За относительно короткий срок финны достигли побед, которые казались еще недосягаемыми для трудящихся других европейских стран. Конец XIX в. охарактеризовался образованием профсоюзов, переходом к шестидневной рабочей неделе, созданием влиятельной социал-демократической партии. Финны были первыми, кто достиг всеобщей грамотности в Европе. Заключение браков и выезд за пределы страны были возможны только при предъявлении документа о конфирмации, а к ней допускали только грамотных. Первыми в Европе право голоса приобрели женщины Финляндии. В 1916 г. на парламентских выборах социал-демократическая партия одержала до той поры невиданную в Европе победу: социал-демократы получили 40 % голосов, 19 женщин были избраны депутатами.

О наследии финнов-иммигрантов хорошо написал доктор О. В. Сааринен: «Среди многочисленных культурных влияний, перенесенных из Финляндии в Садбери (Канада), – следующие: уважение к принципу упорного труда, сильная деревенская культура, глубоко укоренившийся антиклерикализм, поддержка социалистической и марксистской идеологии, кооперативное предпринимательство, освободительное движение женщин, Красные и Белые тенденции после 1918 г...»[20]. Из писем, интервью и архивных документов удалось установить, что среди переехавших в Карелию – 61 беженец-красногвардеец. В письме дочери Хейккинена Калле Яковлевича*Хелен читаем: «В Финляндии отец был красногвардейцем, он был вынужден бежать от фашистского преследования (в Канаду. – М. С.), но в Советском Союзе ирония судьбы сделала его жертвой сил, которые он всегда поддерживал и за которые боролся».

Профессор Р. Керо показывает, что по данным на 1930–1931 гг. количество иммигрантов из Финляндии в США составило 320 500 человек, в Канаду – 43 600[21]. Это, разумеется, были совсем неодинаковые по своим социальным и политическим убеждениям люди. Социальная несправедливость способствовала расколу среди финнов, которых вскоре стали называть «хорошими» (церковными) или «плохими» (красными). Последние уже не верили в обещания церковников о том, что тяжелая жизнь на земле будет компенсирована в загробной жизни.

В данной статье речь идет только о «красных» финнах, и то о незначительной ее части, ибо не все левые радикалы пересекли океан. Эта небольшая часть и есть те 6000 (± 100), которые эмигрировали в Карелию, Советский Союз[22].

Грамотность сыграла существенную роль в радикализации финнов: американская финноязычная печать родилась в 1903 г. с выходом газеты *Työmies (Рабочий). З*а ней последовали *Raivaaja (Пионер), Toveri (Товарищ), Eteenpäin (Вперед)* в Канаде, *Vapaus (Свобода).* Со временем две газеты объединились в *Työmies-Eteenpäin.* Она надолго оставалась глашатаем классовой борьбы. Со страниц левой печати трудящиеся узнавали о стачках и увольнениях рабочих, участвовавших в них, о черных списках работодателей. Почетное место в них занимали «финны-смутьяны». Этим объясняется, почему в начале XX века часть обездоленных стала заниматься мелким фермерством. Газета изобиловала призывами оказания материальной помощи первому социалистическому государству, к личному участию в строительстве социализма. Критика правой печатью недостатков Советского Союза расценивалась как буржуазная пропаганда. Воспевались достижения страны Советов. Серьезный вклад в усиление веры в социализм внесли прибывшие в Америку в 1910–1913 гг. теоретики марксизма Александр Нуортева, Юрье Сирола, Оскари Токой. Все трое впоследствии занимали важные посты в СССР. О. Токой вернулся в Штаты.

Газетная пропаганда, выступления ораторов, посещающих финские поселения, сборы средств, бенефисные концерты имели большой эффект: более двух миллионов долларов (по исчислению того времени!) было собрано в Фонд помощи России деньгами и оборудованием.

Центром деятельности социалистов, а впоследствии – коммунистов стали *Halls* (Рабочие клубы), и «красные» финны приобрели еще

одну кличку *«hall Finns»*. Первый такой *Hall* появился в 1902 г. в Хибинге, в центре горнодобывающей промышленности Миннесоты. Впоследствии они рождались во всех городах, плотно населенных финнами. Деятельность в *холлах* таких крупных городов, как Нью-Йорк, Детройт, Астория, Уоррен (США), Ванкувер, Садбери (Канада) была самой разнообразной: драматические студии, ставящие не только драматические спектакли, но и оперетты; работали оркестры, танцевальные кружки. Среди многих личных приятных воспоминаний детства – Храм Труда – *холл* в гарлемской части Нью-Йорка: четырехэтажное здание с бассейном, сауной, игровыми комнатами, кафетерием, зрительным и танцевальным залами. В 200 метрах от него – офис отца, куда я являлась из школы почти ежедневно, как на работу.

Увлекательными спортивными делами *холлов* руководили и некоторые будущие «карелы», например, Лео Кауппи* и Альберт Лэнн*. В *холлах* сосредоточилась не только культурная, но и политическая жизнь. Заметим, что на стыке 20–30-х годов почти половина компартии США состояла из финнов, и три десятилетия генеральным секретарем КП США был финн из Миннесоты – Гэс Холл. В этих *холлах* началось идеологическое воспитание молодежи и детей в организациях комсомола (*Young Communist League)* и юных пионеров. «Хорошие» финны тоже имели свои культурные центры, но они были обеспокоены тем, как *холлы* привлекали и их молодежь многообразием своей деятельности и весельем.

Великая Депрессия совпала с периодом работы агентств Карельской технической помощи. Безусловно, она подлила масла в огонь. Однако сотни писем, интервью, анализ левой американской финноязычной печати позволяют сделать вывод о том, что не более 40 % были безработными. Среди эмигрировавших было много состоятельных семей, которые даже заплатили за товарищей, желающих выехать, но не имеющих средств на оплату проезда.

Важным фактором, повлиявшим на выезд в Карелию, были родственные связи. Услышав, что брат или сестра едут в Карелию, близкие присоединялись к ним. Таких примеров десятки. Профессор Керо считает, что среди эмигрантов из Северной Америки были люди трех разновидностей. К первой группе он относит убежденных коммунистов-марксистов, ко второй – сочувствующих делу социализма, а к третьей – попутчиков.[23] Пожалуй, последняя оказалась наиболее везучей, т. к. они не были обременены идеологическим багажом и, разочаровавшись, недолго думая, отправлялись назад.

В другой работе профессор Керо расставляет точки над «i»: «Покидая Северную Америку, эти поселенцы скорее всего видели себя частью "международного пролетариата", нежели финнами. Они действительно изолировались, за что их впоследствии критиковали. Однако данная изоляция не была националистической реакцией, а зависела от совершенно иных факторов»[8].

Довоенный Петрозаводск

Последняя, сорок шестая по счету, группа была сформирована. Она отплыла из Нью-Йорка 20 июня 1934 г. В ее состав входили 44 человека, в том числе и наши нью-йоркские друзья – семья Холтти. К началу 1934 г. вербовка фактически закончилась и агентство завершало свою работу. Тенхунен поторапливал отца с приездом, поэтому мы отплыли уже 4 апреля.

День был теплый. Солнце садилось в черные тучи, и это не предвещало ничего хорошего. Так и получилось – штормило до самой Швеции. Но, вспоминая момент отплытия в последующей жизни, на ум приходила другая мысль – не было ли это предостережением? Конечно, мама и мы, дети, ожидали встречи со шведскими родными: даже дедушка был еще жив. (Мой отец Оскар Корган был уроженцем Швеции и эмигрировал в Америку вместе с некоторыми из своих братьев и сестер в 1907 г.). В Стокгольме предстояло почти двухнедельное ожидание. Ждали советский ледокол *«Спартак»*. Телефон звонил не переставая: звонили отец, брат, сестры родные и двоюродные: «Приезжайте. Ждем». Как мы уговаривали отца, но напрасно! Вместе с тем было видно, как папа волновался. Ни до, ни после мы не могли припомнить, чтобы отцу было так психологически дискомфортно. Позже, сетуя на то, что так и не сбылась мечта встретиться со шведской родней, искали причину. Она выяснилась только в 1965 г., когда брат Паули и я впервые посетили родину отца.

Нам сказали: «Не обижайтесь, что не будем говорить об Оскаре. Мы узнали о том, что с ним случилось, и никогда не простим. Если бы вы приехали к нам в 1934 г., никуда бы мы вас не отпустили». Очевидно, это очень хорошо осознавал отец и, чтобы не поддаться искушению, решил не испытывать судьбу. Человек слаб!

29 апреля 1934 г. поезд приближался к Петрозаводску. На подступах к городу открылась необычная панорама: в основном – деревянный город, на утреннем солнце поблескивали купола, в центре города дымила высокая труба. Но главное, отчего дух захватывало, – огромное озеро. Это очаровало нас, привыкших жить на больших водоемах – озере Верхнем и на Атлантике. И название какое-то чудное, трудно произносимое – Петрозаводск. Суть его отец нам тут же объяснил – Peter's Factory. Одним словом, все предвещало нечто новое, интересное, кроме ужасного вокзала, куда вскоре подкатил поезд.[24] Нас встречал добрый старый знакомый – Калле Аронен. Он повез нас к себе, где с нетерпением ждала Хильма, его жена.

Три двухэтажных дома, в которых жили Аронены, Тенхунены, Вялимаа и некоторые другие знакомые, были кооперативами, построенными американцами на том месте улицы Куйбышева, со стороны пр. Ленина, где сегодня высятся добротные многоэтажные жилые дома. Двухкомнатные квартиры с ванной и туалетом ожидали подключения еще не существующих водопровода и канализации. Чистые, уютные, обставленные, т. к. приехали насовсем. На следующий день нас повезли в другой конец города, в самый конец пр. Урицкого, где стоял двухэтажный дом, именуемый *Hotelli* (гостиница). Название объясняется тем, что жители считались временными, ибо им предстояло ехать куда-то дальше.

Нам досталась огромная комната с дровяной печкой. Комната была такой большой, что родители сразу же сделали две из одной, перетянув через всю комнату занавес. Воду, как и в вышеописанных трех домах, брали в колодце; а отхожее сооружение – на улице. Мы оказались в одном доме со старым соратником отца, хорошо известным и в США, и Канаде искусным оратором Мартти Хенриксоном. Еще были друзья из Нью-Йорка – Вяйно и Эмма Римпинен, Лео* и Хильда* Кауппи, Армас* и Эльса Песонен. Неизгладимый след печали оставили иммигранты из Финляндии Аарне* и Ирья* Ниеминен, шестимесячный сын которых остался сиротой. В ожидании их возвращения добрейшие канадцы Хильда и Мирьям Купиайнен взяли ребенка, ожидая возвращения родителей, но мечта не сбылась. На всю жизнь мы стали друзьями по несчастью с другой семьей – Хювяринен*, тоже из Финляндии. Как и у нас, у них было трое детей, наших ровесников.

Но мне хочется хотя бы вкратце рассказать о Парасковье Васильевне Лобской-Барской, жившей также в нашем *Hotelli*. Молодая олончанка завершала учебу в Педагогическом училище. Она стала постоянной собеседницей родителей по вопросам мировой политики, горячим почитателем отца и его соратников, которые нередко бывали у нас – Матти Тенхунена и Вяйно Финберга*, в частности. Наши связи с Парасковьей Васильевной сохранились на всю жизнь: она была заместителем министра просвещения, мой брат Павел Оскарович и я – педагоги. Когда через полвека с лишним смогла изучить личное дело погибшего отца, оказалось, что в 1937 г. Парасковья Васильевна написала протест по поводу ареста настоящего коммуниста – Оскара Коргана. При пересмотре дела на предмет реабилитации к ней обратились с просьбой написать отзыв, на что она ответила, что готова снова подписать свое письмо, датированное 1937 г.!!!

Нередко вспоминались слова отца и других ораторов, рассказывающих американским финнам о трудных условиях бытия там, куда их приглашают. «Ваша жизнь там на первых порах будет такой же тяжелой и неудобной, как в годы приезда на Американский континент». Да. Так и получилось. Война, конечно, помешала, но затем медленно, но уверенно жизнь стала налаживаться. Помню, как моя семья, переехав из одной комнаты в красивый 119-квартирный дом на пр. Ленина в пока еще коммунальную квартиру, радовалась благодатному теплу, тому, что вода бежала из крана, тому, что вскоре освободилась третья комната и квартира перешла в полное владение нашей семьи. Позднее дровяную печь заменили газовой, подключили горячую воду. Мы вернулись к тем удобствам, которые оставили в Нью-Йорке почти сорок лет тому назад. Таким из-

менениям радовались во многих городских семьях! Увы! Редкое село может похвастаться этим даже сегодня!

Вниз по пр. Урицкого стояли восемь двуэтажных деревянных домов, которые назывались Väliparakit (временные бараки). Само название говорило о стремлении улучшать жилищные условия. Так и было. На Волховской улице появился кооперативный 2-этажный дом; в Петрозаводске приступили к строительству нескольких дуплексов на улице Калинина. Закупали материал и собирались цементировать подвал. Наша семья тоже участвовала в этом мероприятии, но вскоре пришел приказ «Прекратить!», хотя, разумеется, разрешение строить было получено.

Приятно сознавать, что в решении проблемы водоснабжения решающую роль сыграли иммигранты. Лаури Луома* и его бригада протянули вглубь залива к месту водозабора деревянные трубы. Я застала в живых двух пожилых уже членов этой бригады – Микко Матсона и Артура Аппонена. Они рассказали о Вилье Ниеми*, который привез с собой из Детройта все оборудование водолаза, подумав, что раз там большое озеро, значит, и под водой найдется работа. Эта же интернациональная бригада вошла в историю города как участники возведения памятника Ленину. В доставке глыб гранита от озера принимали участие канадец Эйно Туоми и его друзья. Скульптор из США Виктор Римпиля высек голову памятника по проекту Г. Манизера.

Объявили воскресник по строительству деревянного тротуара. Вышли сотни людей, трудились самозабвенно. Успеху содействовал духовой оркестр под руководством Эмиля Кауппи*. Оркестр любовно называли «Оркестром щенят», т. к. исполнителями были в основном тинэйджеры.

Представляя себе, что справлюсь с финским, пошла в среднюю школу с заявлением о приеме в пятый класс. Встретили по-доброму, но со смехом. Ситуация прояснилась, когда я услышала: «Надо прежде всего усвоить финский». Посадили в четвертый. Это не означало второгодничества, ибо в США пошла в школу шестилеткой, да и программы советских школ были иными, опережающими. После двух лет я приняла одно из важнейших решений в своей жизни – перейти в русскоязычную школу. Уговорила двух своих подруг составить мне компанию. 1 сентября застало нас за партами школы № 5, бывшее здание которой и сегодня стоит на ул. Кузьмина.

К этому времени в нашей семье произошли некоторые изменения. Из издательства «Кирья» отца перевели в с. Ухта зав. книжным магазином. Нужен был человек, владеющий финским, т. к. регион был финноговорящим, с обучением на финском языке. Родители всегда поддерживали разумные решения и, узнав, что друзья согласны взять меня в свою семью, чтобы я смогла продолжить обучение в Петрозаводске, согласились.

Началась учеба. Пришлось напрячься и даже выполнять домашние задания. А какие были учителя! Запомнились на всю жизнь. Особенно Людмила Ивановна Богданова, которая немало со мной натерпелась. Только в войну я потеряла дорогую памятную мне вещь – диктант, в котором было исправлено 168 ошибок. Догадываясь, что на следующем уроке я подвергнусь опросу, готовилась особо упорно. Проходили «Ревизор» Н. В. Гоголя. Точно! Слышу свое имя. Встала, но не могу и слова вымолвить. Зато Людмила Ивановна напомнила мне, кто я. «Не зная русского языка, ты даже не готовишься к уроку. Переведем тебя обратно в финскую школу». Настолько после этих слов я овладела собою, что попросила выслушать меня после уроков, что она и сделала. Это был поворотный пункт. Окончила шестой класс, правда с «тройкой» по языку и литературе, но была счастлива.

Много лет спустя, когда проходила педагогическую практику в школе № 9, встретилась с Людмилой Ивановной. Посадив меня рядом, она сказала: «Рассказывай, где была эти двенадцать лет (Помнила!)». Выслушав сокращенный вариант моих похождений, я услышала: «Кто тебя научил русскому языку? Я клялась, что ты никогда не заговоришь». «Вы, Людмила Ивановна. Вы». Так я получила самую дорогую «пятерку» и объятия своей старой учительницы.

Летом 1937 г. поехала к родным в с. Ухта. Поскольку туда на гастроли ехал Финский театр, поехала с ними. Это было самое счастливое лето в жизни нашей семьи! Родные жили в уютном домике на две семьи, у речки. Осуществилась мамина мечта – завести небольшой огород. Не помню отца таким спокойным, уравновешенным, полностью отдавшимся ра-

боте и семье. Память сохранила многие сокровенные минуты разговоров с отцом, беседы родителей с приходящими гостями; их тревогу за судьбы мира: в Германии пришли к власти нацисты, да и, судя по газетам, в Союзе после убийства Кирова творились какие-то непонятные дела. Вспомнили вызовы отца в Коминтерн в 1934 и 1935 гг.: ему предложили вернуться в США. Отец согласился, но при одном условии: пусть возвращаются все желающие, тогда и наша семья отправится. «Сталин никогда не согласится на это», – сказал Юрье Сирола. Так остались мы и тысячи других.

Возвращение в Петрозаводск на учебу – седьмой класс. Все началось хорошо. Беда пришла перед ноябрьскими праздниками: скупое письмо мамы с ужасными словами – ночью увели отца. Понимая ситуацию, бросила школу, стала искать работу. Но через два дня домой пришла директор школы Анна Степановна Лягина-Гостева с известием о том, что она выхлопотала мне 30-рублевую месячную стипендию с тем, чтобы я окончила семилетку. Представляете? Подставить свою голову под удар ради дочери врага народа, как нас стали теперь называть. Для меня Анна Степановна стала святой!

В 14 лет сам черт не страшен! Стала писать заявления в разные инстанции, чтобы выяснить, что случилось с отцом. В конце ноября в один и тот же день получила два ответа из двух разных мест: на пр. Карла Маркса в окошке НКВД и у представителя Военного Трибунала, принимавшего посетителей на пл. Ленина. Но ответы были разными: в НКВД сообщили, что отец осужден на 10 лет и направлен в дальневосточный лагерь; у представителя Военного трибунала: осужден на 15 лет, направлен в Караганду без права переписки. Срыв мой понятен, сквозь слезы я кричала: «Лжете». В ответ услышала: «Благодари Бога, что ты несовершеннолетняя, а то отправили бы туда же».

Так нас годами сопровождала ложь. В хрущевский период в правительство поступали тысячи заявлений. Приходили свидетельства о смерти: все умерли от каких-то болезней. В горбачевский период писали вновь: новые свидетельства о смерти. На сей раз причина: расстрел, место – не установлено. Оба свидетельства опубликованы в моей первой книге в 1992 г. В четвертой (2000 г.) указано и место расстрела.

1937–1938 прошли в страхе, надежде и ожиданиях. Волна арестов нарастала. Отдушиной были филармония, театр, школа и книги. Мало кто из современных жителей знает, какое прекрасное здание Филармонии находилось там, где сегодня высится здание Музыкально-драматического театра. Акустика зала была столь превосходной, что выдающиеся музыкальные силы страны с удовольствием приезжали в Петрозаводск.

В Финском драматическом театре и симфоническом оркестре Карельского радио было множество иммигрантов. Музыкальное училище Петрозаводска носит имя иммигранта из штата Орегона Калле Раутио. Председателем Союза художников Карелии был резчик по дереву из Нью-Йорка Юрье Раутанен. Никто и не подозревал, что участие в художественных коллективах *холлов* предопределит их будущую профессию в Карелии. Но ряды начали редеть. Однажды на репетицию симфонического оркестра не явились многие музыканты. Они были арестованы, как обычно, ночью. Среди них замечательные скрипачи Тойво Эскола* и Арнольд Ненонен*. Этим не ограничилось изничтожение оркестра: весной 1938 г. «исчезли» и наши друзья – талантливые молодые музыканты Калерво Мякеля*, Тедди Кауппи*, Кейо Туомела* и Анса Суорд*. На сцене Финского драматического театра больше не появлялись Калле Севандер*, Олави Сийкки*, Орво Бъернинен ст.* и другие.

Летом 1938 г. я уехала к маме, брату и сестре. Увидев халупу, в которой они прозимовали, когда их выселили из дома у речки, меня охватил ужас. Радость встречи с семьей была недолгой. Вскоре явился милиционер и объявил о необходимости быть готовыми к высылке из Ухты. Одна грузовая машина на две семьи. Нашими спутниками стала оставшаяся без кормильца семья Юхо Луома*. На следующий день вереница из почти тридцати машин с пассажирами и скарбом на борту двинулась в сторону Кеми по 182-километровой ухабистой дороге. В четырех километрах от Кеми, в пос. Латушка, нас ждал только что отстроенный, еще пахнущий смолой барак, разделенный стеной на две части.

Ударил тиф. Я оказалась пятнадцатой по счету зараженной. После трех месяцев в боль-

нице, к счастью, выжила, в отличие от многих других. Здесь мне летом исполнилось 16. Время получать паспорт. Обратилась в милицию, где мне предложили написать заявление о возвращении в США или Швецию, т. к. мы приехали в Союз шведскими подданными. Я не послушалась «доброго» совета и осталась без паспорта. Только после поездки в Петрозаводск, куда я обратилась с жалобой, и после вмешательства какого-то сочувствующего майора, вернулась в Кемь и получила красный листочек, именуемый паспортом. Лемпи Толонен-Кюллестен, дочь канадца Давида Толонена*, поддалась «доброму» совету, за что дорого поплатилась. Нетрудно представить, как было растолковано ее заявление о возвращении на родину. Лагерь… Но, слава Богу, вернулась живой после смерти Сталина.

Анна Степановна пригласила меня на работу в свою школу. Квартиры в Петрозаводске не было, поэтому мама, брат и сестра поехали в поселок Пай, где жила мамина старшая сестра. После года работы меня перевели в Зарецкий райисполком города. Мне везло на порядочных людей! Там встретилась с новыми. Работа была бойкая, интересная, пошла доучиваться в вечернюю школу. Прихожу на работу однажды майским утром, а меня встречают жутко встревоженные председатель Иван Михайлович Антохин и ответственный секретарь Ольга Ивановна Ростовцева. «Что ты натворила? Смотри: повестка в НКВД». Объяснила, что оставалась вечерами одна и напечатала заявление наркому: «Хочу узнать об отце. Написала о всех безобразиях, которым подверглась наша семья». Провожали со слезами на глазах и уговаривали быть осторожной и не наговорить лишнего. Зачем? Все сказано в письме.

Конечно, входя в серый дом с провожатым, я взглянула на синее небо и подумала, увижу ли его опять. Полчаса мне уделил нарком Баскаков Николай Иванович. Он спросил, кто помог мне написать столь тяжелое письмо. Врать не пришлось, т. к. никто не ведал о содеянном. Он успокаивал меня, твердя, что надо продолжать учебу, что отец вернется и т. д. Возвращаясь мысленно к этому эпизоду, делаю для себя вывод о том, что встреча была нужна прежде всего самому наркому для очищения души и совести, ибо он знал страшную правду, которая только спустя полвека станет известной нам!

Война

Перед самой войной я перешла работать в КарелфинТАГ (Карело-Финское отделение ТАСС). Я только что получила большую угловую комнату в одном из упомянутых *Völiparakit*. Мама и сестра Айно переехали сразу же, Паули еще кончал школу и присоединился к нам позже. Война. Мама с двумя младшими эвакуировалась, а я вместе с редакцией оказалась сначала в Медвежьегорске, а позже в Беломорске, куда временно было переброшено правительство республики.

В Беломорске была приглашена на аудиенцию к секретарю ЦК ВЛКСМ Карелии Юрию Владимировичу Андропову. В кабинете сидели двое военных – генерал и полковник. Вопрос стоял о разведке в тылу врага. Не скажу, чтоб меня долго уговаривали, наверное, в каждом молодом человеке в какой-то мере существует жажда приключений. Казалось, что при соответствующей подготовке справлюсь с любым заданием по уничтожению врага. Готовилась серьезно. Предстояла переброска в Череповец вместе с подобранным мне партнером – знакомым петрозаводчанином Калерво Коски. Нам приказали явиться в штаб. Там нас известили о предстоящей переброске за линию фронта. Однако мы возразили, т. к. никто ни разу не проверил нас на предмет владения финским языком, а это было составной частью программы. «Трусите?» «Нет, – возразили мы. – Пошлите на фронт радистами». Это заявление встретили с усмешкой и мы услышали: «Для таких, как вы, есть особое место». Протянули нам какую-то заранее приготовленную бумажку и приказали срочно отправиться на пересыльный пункт, что мы и сделали.

Так мы оказались в УВСР 232 в Вологде. Прошел почти год, когда меня в который уже раз вызывал какой-то приезжий военный инспектор. Посыпалась брань: «Почему ты не сообщила нам, что ты американка. Американцы наши союзники. Вот направление в военкомат. Отправляйся. Получишь документ и возвращайся в свой Беломорск».

Вот как я впервые узнала о существовании управлений военно-строительных работ. В хо-

де исследования обнаружились приказы Государственного Комитета Обороны об изоляции в УВСР, или, как их называли, «трудовые лагеря» для представителей национальных меньшинств. Приказ, касающийся финнов, подписан 14 октября 1942 г., но факты говорят о другом: изоляция осуществлялась гораздо раньше, снимали из рядов действующей армии, отправляли в трудовые лагеря даже из госпиталей. Узнав подробности ужасов челябинского трудового лагеря, куда попал мой брат Паули, я поняла, что легко отделалась. В Челябинске территории были обнесены колючей проволокой, у ворот стояла вооруженная до зубов охрана с собаками, голодные смерти были ежедневным явлением. Работа была изнуряющая, сверхчеловеческая. До сих пор продолжаю находить возвращенцев из трудовых лагерей, но пока их число намного меньше 98 погибших из состава североамериканских иммигрантов. Брата Паули поставили на ноги врачи-немцы, попавшие в трудлагерь так же, как и он. Они не только спасли «американский скелет», но и обеспечили его документами на освобождение, что дало ему право вернуться в Карелию. Но не тут-то было: сняли с поезда, заключили в тюрьму, обвинив в бегстве. Долго вела переписку с Верховным Судом СССР, пока его освободили. Как ждала своего любимца прикованная к постели мама, но не дождалась! Мы с сестрой вдвоем хоронили ее в лютый февральский день 1946 года. Паули вернулся через две недели…

Командиры войсковых частей получали приказы о трудовых лагерях, но здравомыслящие, смелые командиры не подчинялись. 34 воина-американца похоронены в братских могилах: в Румынии – Джон Вертти, на Пискаревском кладбище – Вальтер Хейно, в Вологде – Карл Рейно, в Карелии – Реймонд Нисканен, Вальтер Катая, Тенхо Далман ... Победу встречали в Праге – Сиркка Хонка, в Японии – Вилье Леписто, в Германии – Эйно Лехтимяки. Чтобы назвать хотя бы некоторых… 24 расстреляны решением военно-полевого суда в Финляндии, среди них обаятельная молодая женщина из Нью-Йорка Бритта Ниеми. Десять военнопленных бежали в Швецию, а оттуда – в США и Канаду. До сих пор судьба двух категорий не полностью ясна: пропавших без вести и обмененных решением Советской Контрольной Комиссии военнопленных. Из бывших военнопленных спустя годы 34 человека вернулись к семьям из советских лагерей Гулагов, в том числе мой муж Милтон Куунович Севандер. Только к 25-летию Победы его и товарищей по несчастью признали ветеранами войны.

Возвращение в Петрозаводск

Июнь 1944. Работа и учеба. Ночная смена в КарелфинТАГе меня устраивала: она позволяла днем заниматься в Учительском институте на английском отделении. Словно предчувствовала, что специальность мне понадобится. После окончания института в 1948 г. занялась непосредственно журналистикой. Получалось! Нравилось! Посчастливилось работать под началом замечательных руководителей. После возвращения в Ленинград Алексея Григорьевича Савраскина его заменил новый человек, верный политическим веяниям времени. 1950 г. Начали увольнять с «идеологических» постов неблагонадежных. Одной из первых выгнали из института замечательного педагога Марию Васильевну Куусиниеми. Придя утром на работу, меня вызвал руководитель. Услышала от него: «Вы уволены!» Причиной оказалась моя автобиография. Не долго думая, в поисках правды отправилась в ЦК, который находился буквально рядом. Мне разрешили остаться, но я приняла жизнеопределяющее решение: отправилась в Министерство просвещения, где была встречена радушно. Так началась моя незапланированная педагогическая деятельность, сначала в школе № 22, затем директором школы № 25, преподавателем Карельского государственного педагогического института. Учеба моя завершилась на заочном отделении педагогического института им. Герцена в Ленинграде в 1953 г.

Незабываемы годы работы в школе. Сколько замечательных учителей, руководителей: Александр Сергеевич Александров, Клавдия Степановна Лузгина, Петр Николаевич Деккоев, Александр Васильевич Фокин! В 25-й школе – Мария Андреевна Журавлева, Анна Кузьминична Гольцова! Как не вспомнить учительницу пения Веру Филипповну: на общегородской конкурс хоров она подготовила трех победителей – начальных, средних и старших классов! Сколько замечательных выпускников! Не всегда «первый блин ко-

мом»: со своим первым выпускным классом 1957 г. в 22-ой средней школе провела семь лет еще и классным руководителем. Он дал городу ряд высококвалифицированных специалистов, особенно врачей, а также трех мастеров спорта СССР. Один из них – Юрий Степанович Ланев, основоположник славного туристического клуба «Сампо», зав кафедрой физкультуры Петрозаводского государственного университета. Выпускной класс 1961 г. 25-ой школы дал ПГУ будущих профессоров, докторов наук Анатолия Шишкина и Александра Цыпука.. Сколько времени прошло, а связи живы!

Годы директорства сблизили меня с рядом неординарных людей, которые помогли во многом: Александрой Александровной Серба, Галиной Александровной Андерсон, Исааком Самуиловичем Фрадковым и замечательными партийными руководителями Марией Васильевной Комиссаровой, Валентиной Федоровной Хотеевой.

КГПУ, в котором пролетело тридцать лет, – мой последний педагогический этап. И там довелось работать с прекрасными преподавателями. Ректор Петр Ивановича Ихалайнен поддержал инициативу кафедр о создании в 1965 г. факультета иностранных языков. Факультет выпустил сотни прекрасных учителей для школ республики и даже различных стран: Финляндии, Болгарии, Франции и США.

Жизнь факультета, которую строили сами студенты, всегда была напряженной и интересной: занятия наукой, контакты со школами, самодеятельность, спорт. Мы гордились своими певцами, композиторами, музыкантами, танцорами, поэтами, сценаристами; они неоднократно побеждали на городских КВН. «Последние звонки» ценились даже проверяющими факультет московскими комиссиями. В течение пяти лет кафедра английского языка с успехом проводила Всероссийские конкурсы по английскому языку.

Народная дипломатия

В 1962 г. впервые в составе туристической группы мне удалось побывать в Финляндии. Во время визита нам предоставилась возможность ближе познакомиться с деятельностью финских городов, имеющих побратимов в Советском Союзе. Уже тогда их в Финляндии насчитывалось 50. Вернувшись домой, я отправилась в обком партии с предложением об установлении связей с каким-либо финским городом. Секретарь обкома Петр Иванович Мартынов поддержал. Через неделю – первое заседание Карельского отделения Общества Советский Союз – Финляндия. Побратимом стал Варкаус. В 1976 г. образовалась новая пара Петрозаводск–Умео (Швеция), в 1987 – Петрозаводск–Дулут (США). Принимала личное участие во всех трех знаменательных для меня Обществах, т. к. они представляли родины родителей и детей.

Начался обмен делегациями, семьями, друзьями. Факультет иностранных языков КГПУ уже более 10 лет участвует в ежегодном обмене студентами с Колледжем Святой Схоластики (г. Дулут, США), в котором мне удалось поработать в 1989 г.

Движение побратимства началось задолго до того, как потеплели отношения между Западом и Востоком. Превратившись в истинно народную дипломатию, оно во многом предвосхитило и проложило путь к демократии.

Моя миссия

После первого посещения родины в 1973 г. долго не давала покоя мысль о том, что надо бы и в Америке, и в России рассказать о смелых интернационалистах, которые добровольно покинули родину и поехали в чужую страну, чтобы принять личное участие в строительстве социализма; рассказать о том, что судьба многих из них была столь же трагична, как и судьба граждан этой страны.

После моих выступлений в США обо всем пережитом в России меня часто встречали в штыки, откровенно высказывая недоверие: в СССР невинных не арестовывают, вы должны быть счастливы, что получили возможность бесплатно учиться, делать карьеру, даже ездить за границу. Встреча лицом к лицу со старой большевистской пропагандой, очень напоминающей кремлевскую, ошеломляла. Были среди оппонентов и те, кто считал Сталина самым выдающимся деятелем XX века. Правда, со временем следовали извинения.

Одним словом, в достоверной информации нуждались обе стороны.

Последнее решение, определившее всю мою оставшуюся жизнь, я приняла под воздей-

ствием друзей из породненного Дулута – Брукса Андерсона, Тома Моргана и Роналда Кейпла. Весной 1999 г. в Ташкенте состоялась первая конференция породненных городов СССР–США. Сомнения исчезли после вмешательства ответственного секретаря Sister City International USA Ричарда Нейхейзела, который подошел к нам, взял меня за руки и сказал: «Вы единственная пара породненных городов, у которой есть своя общая история. Тебе ее и писать.»

История первой книги проста[25]. Увидев снимок девчонки с красным флагом, стоящей на пьдестале монумента Патриотизму в центре Дулута, и узнав, что это я, дулутский издатель Дан Тюбесин изрек: «Книгу, книгу, дайте книгу». Она бы не вышла без участия журналиста Лори Херцель, которая, кстати, входила в первую группу дулутчан, приехавших «сватать» Петрозаводск в 1986 г.

Благодаря сотням писем, полученных от моих корреспондентов по обеим сторонам океана, проведенным интервью, поездкам по США и Канаде, изученной по теме литературе, книги выходили одна за другой, дополняя друг друга и открывая новые, ранее не известные источники. Как ни странно, но после выхода финской книги начался поток писем из Финляндии: читатели находили родственников, о которых десятки лет не было никаких известий. Медленно, но уверенно исследование постоянно пополняется новыми данными. Подтвердились давнишние подсчеты Р. Керо:

- число иммигрантов составляло 6000 (± 100);
- 2552 человека не воспользовались выданными визами и остались в Америке;
- более 1500 вернулись к родным очагам (этот список постоянно пополняется);
- жертвами политических репрессий стали 1040 человек, из них три четверти подверглись расстрелу;
- в блокаде Ленинграда погибло 14 человек.

В короткой статье невозможно рассказать о сотнях замечательных тружеников, которые работали по всей Карелии. Безвременно ушедший из жизни карельский публицист Иван Чухин успел опубликовать важнейшее исследование[26]. Хочу пополнить его факты сведениями, касающимися североамериканских финнов. Из 460 арестованных на лесопунктах Ухтинского района финнов – 264, среди них прибывших из Америки – 55; из 745 арестованных в Кондопоге две трети – финны, в их числе иммигрантов из Северной Америки – 116. Близлежащий к Петрозаводску Прионежский район числился одиннадцатым по количеству населения в Карелии, а по арестам – вторым; на одном только примерно-образцовом Матросском лесопункте было арестовано 59 иммигрантов из Северной Америки. Особой благодарности заслуживают также усилия Юрия Дмитриева и его группы, нацеленные на поиск невинных жертв сталинизма[27].

Североамериканских финнов второго и третьего поколений было не менее одной четвертой части. Благодаря наследию, полученному от родителей, многие из нас выжили и каждый по своему внес вклад в развитие экономики и культуры республики. В настоящий момент я приступила к самому последнему этапу своей работы – выяснению судеб ДЕСЯТКОВ уроженцев США и Канады, потерянных на военных тропах.

Какой цели мне удалось достичь?

Массы отзывов говорят о том, что мои книги, статьи и многочисленные выступления помогли по-новому взглянуть на явление, названное некоторыми «Карельской лихорадкой», понять и оценить благородные духовные порывы данной части финнов. Но не скрою, что вместе с тем еще существуют и лжепредставления: ярых антикоммунистов не переубедить! Благодарят также за то, что найдены имена давно потерянных, но не забытых родных и друзей, хотя, к сожалению, во многих случаях полученные сведения малоутешительны. Родственники теперь обращаются за документами – свидетельствами о смерти и реабилитации. Стараюсь помочь им в этом. Некоторые даже побывали в Карелии, посетив Сандармох и Красный Бор.

История североамериканских финнов способствует понимаю определенного этапа советской истории, в реальность которого многие просто не верили. Пусть мои труды будут также предупреждением против слепого идеализма!

[16] Ylärakkola, Arvo. Edward Gylling. Ita-Karjalan Suomalainen Rakentaja. Helsinki. Otava. 1976.

[17] Kangaspuro, Markku. Neuvosto-Karjalan Taistelu Itsehallinnosta. Nationalismi ja Suomalaiset Punaiset Neuvostoliiton Vallankäytössä 1920–1939. Suomalaisen kirjallisuuden seura. Helsinki. 2000.

[18] Злобина, Виено. Первопроходцы Коммуны. Олонецкая правда, 1989, октябрь.

[19] Sevander, Mayme. Red Exodus. Oscat. Duluth, 1993, pp. 54–66. Vaeltajat. Turku. Siirtolaisuusinstituutti. 2000, ss. 46–55.

[20] Saarinen, W. Oiva. Between a Rock and a Hard Place. A Historical Geography of the Finns in the Sudbury Area. Wilfrid Laurier University Press. Waterloo, Ontario, 2000, p. 112.

[21] Kero, Reino. Suureen Lanteen. Siirtolaisuus Suomesta Pohjois-Amerikkaan. Turku. Siirtolaisuusinstituutti, 1996, s. 131.

[22] Ibid. Neuvosto-Karjalaa Rakentamassa. Helsinki, 1983. Sevander, Mayme. Of Soviet Bondage. Sequel to Red Exodus. Oscat. Duluth, 1996. Karni, Michael. «Torn Loyalties: Finnish Immigrants in America and the Civil War in Finland» in «Once a Jolly Swagman». Essays on Migration in honor of Olavi Koivukangas on his 60-th birthday. Turku. Institute of Migration, 2001. Pinola, Rudy. Other Tines and Other Places. Economic Research Service. Madison, 1999.

[23] Kero, Reino. Finnish Settlers from North America in Soviet Karelia. Scandinavian J. History, 6: 1981, pp. 229–241.

[24] Hokkanen, Lawrence and Sylvia with Anita Middleton. Karelia. A Finnish-American Couple in Stalin's Russia, 1934–1941. North Star Press of St.Cloud, Inc., 1991.

[25] Sevander, Mayme. They Took my Father. Pfeifer and Hamilton. Duluth, 1992.

[26] Чухин, Иван. Карелия – 37: Идеология и практика террора. Петрозаводский Государственный университет, 1999.

[27] Дмитриев, Юрий. Место расстрела – Сандармох. Петрозаводск. 1999.